

—

Х.

Цзянчэн был крупнейшим городом в среднем течении Янцзы, местом, где сходились пути девяти провинций. А причал Линьцзян считался самым большим перевалочным пунктом между севером и югом страны; ежедневно через него проходило неисчислимое множество людей.

В полдень того дня ярко сияло солнце, и водная гладь искрилась бликами. Огромное двухпалубное пассажирское судно под шумные выкрики пришвартовалось у причала Линьцзян.

Как только матросы дали команду на сход, пассажиры с первой палубы, подобно птицам, вырвавшимся из клетки, густой толпой хлынули на берег. В этой суматохе то и дело вспыхивали споры, слышались ругань и звуки потасовок.

Грузчики, работавшие на пристани, смотрели на это с привычным безразличием. С тех пор как в прошлом месяце клан У из земель Цзин поднял мятеж и встал на противоположном берегу Янцзы напротив Хуанчжоу, и без того процветающий Цзянчэн превратился в центр сбора новостей от всех крупных фракций, будучи ближайшим к Хуанчжоу большим городом.

Но и это было еще не всё. Половину месяца назад из дворца Тяньвай, почитаемого как святыня боевых искусств, пришла весть: в день Лидун (Начало зимы) в Цзянчэне созывают Собрание мастеров боевых искусств.

Разумеется, это собрание было лишь официальным предлогом. Все великие кланы, влиятельные семьи и предводители повстанческих армий получили тайные известия: на самом деле это будет съезд «Избрания правителя волею Небес». Ходили слухи, что на этой встрече может появиться даже Императорская печать — та самая, что была утеряна сотню лет назад.

Так Цзянчэн в один миг стал центром внимания всей Поднебесной. Малые и великие силы со всех концов страны, а также мастера боевых искусств волей-неволей отправляли своих посланников и учеников в город, чтобы выждать удобный момент и завладеть печатью. Сейчас в Цзянчэне «драконы смешались со змеями», и всё превратилось в одну сплошную неразбериху.

— Господин, не нужно ли помочь с багажом?

— Молодой мастер, куда изволите ехать? Не желаете ли нанять повозку?

— Госпожа, вы впервые в Цзянчэне? Загляните в павильон Линсюй!

...

Когда основная масса людей с первой палубы разошлась, начали медленно спускаться гости со второго яруса. Работники пристани под началом своих старших тут же гурьбой бросились к ним: те, кто занимал вторую палубу, были людьми состоятельными — их главными клиентами.

Среди прочих выделялись две статные фигуры. В это время года, когда в начале зимы все кутались от пронизывающего речного ветра, эти двое были в легких одеждах, но держались с таким достоинством и гордостью, что сразу выделялись на фоне толпы.

Один был облачен в простое платье цвета светлой сливы. Черты его лица были прекрасны, словно сошли с картины; облик был величественен и чист, как снег и лед, но в то же время притягателен, как обжигающее пламя. На него было боязно смотреть пристально, страшась утонуть в этом очаровании.

Поэтому взгляды людей естественным образом перешли на спутника рядом с ним. Тот был одет в темно-золотые одежды и черное верхнее платье, волосы собраны под нефритовую корону. Его лицо было суровым, холодным и величественным. Он шел, заложив руки за спину, прямой и непоколебимый, словно сосна или бамбук.

Там, куда падал его взор, у людей перехватывало дыхание. В этот миг они могли лишь склонять головы, боясь встретиться с ним глазами, и забывали обо всех словах и действиях. Какая мощь и величие!

Даже когда эти двое ушли далеко от причала, в глазах провожавших их людей всё еще стоял этот монументальный, внушающий трепет образ.

Этими двоими, разумеется, были Гу Сьюань и Се Чэньюнь.

В тот день в зале Циньчжэн, разыграв спектакль перед Вэй Чжэнпином и остальными, они окончательно утвердили план личного похода императора. Однако как раз перед тем, как армия должна была достигнуть Хуанчжоу, до них дошли вести о дворце Тяньвай и Императорской печати.

По счастью, клан У на другом берегу Янцзы тоже увлекся этим событием и временно прекратил активные действия. Гу Сьюань и Се Чэньюнь решили лично нанести визит в Цзянчэн, чтобы посмотреть на это великое празднество. Посмотреть на тех, кто осмелился заявлять об «избрании правителя волею Небес», пока он — законный монарх Великой Чжоу — еще жив.

Они бок о бок шли по широким мощеным улицам Цзянчэна, вдыхая доносившиеся с обеих сторон ароматы еды. Цзянчэн также славился своей кухней. Они остановились лишь перед роскошным трехэтажным зданием, стоящим у самой реки.

Се Чэньюнь, скрестив руки на груди, уставился на сияющую золотом вывеску и лениво усмехнулся:

— Говорят, что в башне Линсюй не только самые красивые девушки на обоих берегах Янцзы, но и самая вкусная еда.

Заметив его оживление, Гу Сьюань негромко произнес:

— Раз так — зайдем и проверим.

Башня Линсюй была лучшим заведением в Цзянчэне и местом сосредоточения всех слухов — именно это было целью их визита. Однако сейчас было время обеда, и заведение было переполнено. Самые дорогие ложи на втором и третьем этажах давно заняли, поэтому им пришлось устроиться за столиком у окна в общем зале на первом этаже.

Хотя отсюда нельзя было смотреть на мир свысока, вид всё равно открывался неплохой. Архитектура башни Линсюй была примечательной: у северной стены располагался двухъярусный высокий помост, проходящий насквозь с первого до третьего этажа. Благодаря этой особенности почетные гости из лож могли, опустив взгляд, видеть суету внизу, а

посетители общего зала, задрав головы, — мельком наблюдать за роскошью наверху.

Сейчас на первом ярусе помоста сказитель с жаром рассуждал о судьбах Поднебесной; второй ярус, украшенный более изысканно, пока пустовал. Говорили, что это место предназначено исключительно для выступлений первой красавицы двух берегов Янцзы.

Посетители слушали рассказ, пили вино и чай, попутно обсуждая новости.

— Говорят, армии клана У понадобилось всего десять дней, чтобы захватить Эчжоу и еще четыре города. Поистине, сокрушительная мощь!

— Ходят слухи, что всё благодаря двум названным сыновьям главы У, которых кличут «Двумя драконами Цзяндуна». Они невероятно храбры в бою и искусны в стратегии!

— Хм, просто местные чинуши только и знали, что набивать карманы да развлекаться, вот и пали при первом же ударе!

— Интересно, когда армия клана У двинется на Хуанчжоу? Если это случится, нашему Цзянчэну тоже несдобровать...

— Не беспокойтесь. Цзянчэн занимает слишком важное положение, подкрепление от двора прибудет с минуты на минуту. Говорят, маленький император сейчас как раз в Цзиньлине?

— Верно сказано...

Гу Сьюань отведал несколько блюд цзянчэнской кухни. Одно из них, называемое «Саньхэ» (Триединство), показалось ему весьма удачным. Это было рагу из рыбных шариков, мясного рулета и мясных тефтелей. Мясо пропиталось ароматом рыбы, а рыба — вкусом мяса; кроме того, туда добавили сушеные лилии, древесные грибы муэр, пекинскую капусту и редьку, чтобы сбалансировать жирность. Вкус был превосходным.

Благодаря взаимопониманию, сложившемуся за эти дни, первой реакцией Гу Сьюаня после дегустации было положить ложку рагу в чашу Се Чэньюня. Он негромко произнес:

— Недурно. Тебе должно понравиться.

Уголки губ Се Чэньюня слегка приподнялись. Как и ожидалось, привычка, которую он так старательно прививал императору, закрепилась: теперь тот сам проявляет инициативу. Настоящий мужчина — если нравится, значит нравится, к чему жеманство?

Подумав немного, он продолжил кокетничать:

— Я хочу, чтобы ты меня покормил.

— ... — Гу Сьюань.

«С каждым днем он ведет себя всё более по-детски?»

Гу Сьюань покачал головой, не желая с ним спорить, и потянулся палочками к фарфоровой чаше, собираясь подцепить кусочек мясного рулета.

В этот самый миг наверху раздался оглушительный грохот, будто кто-то с силой вышиб дверь или перевернул тяжелую мебель. Се Чэньюнь даже не шелохнулся: его взгляд был прикован к еде и палочкам в руках Гу Сьюаня.

Однако в следующую секунду в чашу с едой сверху посыпались щепки и пыль. Брызнул соус, и некогда изысканное блюдо было безнадежно испорчено.

Лицо Се Чэньюня мгновенно преобразилось. Кто посмел помешать ему в такой момент?

Гу Сьюань отложил палочки и спокойно произнес:

— Позже закажем заново.

Се Чэньюнь сердито хмыкнул, и оба подняли глаза вверх.

Дверь одной из лож на третьем этаже, расположенной в западной стороне, рухнула на пол. Из комнаты выскочил молодой человек в белом, а за ним следом выпрыгнули мужчина в синем и женщина в красном. Троица затеяла яростную схватку прямо на галерее. По их стремительным движениям и прыжкам было видно, что это мастера высокого уровня — как минимум, первоклассные мастера второго ранга.

Впрочем, в башне Линсюй обедали люди не из простых. Видя такой переполох, многие недовольно заворчали:

— Что за люди? Шумят так, что кусок в горло не лезет!

— Сразу в драку... молодежь нынче пошла импульсивная: слово за слово — и за мечи хватаются.

— Безобразие! А ну прекратите! Вы тут не одни, в конце концов!

В этот момент из той же ложи вышел юноша в красном и, гневно сверкнув глазами, крикнул вниз:

— Школа Пили вершит свои дела! Посторонним разойтись, иначе пеняйте на себя — пощады не будет!

Зал мгновенно притих. Люди из школы Пили?

Школа Пили не входила в четверку великих сект, но шла сразу за ними. Благодаря производству и продаже огнестрельного оружия и взрывчатки они были баснословно богаты — в этом с ними не могли тягаться даже великие секты. Возможно, из-за постоянного дела с порохом их адепты обожали ярко-красные одежды, а их нрав был столь же взрывным, как огонь. Имея при себе уникальное оружие «Снаряды Пили» огромной разрушительной силы, они заставляли обычных мастеров боевых искусств обходить их за версту.

Впрочем, если одни их опасались, то другие взирали на них с презрением.

— Какая спесь! Вы возомнили, что Цзянчэн — это ваш Сюньян? — возмутилась молодая девушка, стоявшая у перил второго этажа.

Едва она договорила, как женщина в красном, сражавшаяся наверху, резко распрямила плеть и с силой обрушила её в сторону второго этажа. Девушка побледнела и в ужасе зажмурилась. Спустя мгновение раздался резкий свист плети, а следом — пронзительный женский крик.

Девушка, закрывая лицо руками, трепеща открыла глаза. Оказалось, что удар пришелся вовсе не по ней. Что же тогда произошло? Она подняла голову.

Женщина в красном, только что замахнувшаяся на неё, теперь с искаженным лицом прижимала ладонь к щеке и шее. Сквозь пальцы виднелся отчетливый багровый след от удара. Выходит, она ударила саму себя? Девушка недоуменно моргнула.

Рыжая фурия с ненавистью огляделась по сторонам и завизжала:

— Кто это сделал?! Покажись, трус! Ты смеешь переходить дорогу школе Пили?!

Юноша в красном тоже закричал:

— Кто ранил мою сестру — поплатится жизнями всей своей семьи!

Остальные посетители начали перешептываться:

— Какой мастер это сделал?

— Обычная палочка для еды... она не только остановила удар плети, но и изменила направление силы?

— Это же «вернуть удар противнику его же способом»!

Девушка на втором этаже сразу поняла: ей помог какой-то мастер. Её глаза засияли, и она принялась искать глазами своего спасителя.

Внизу, в общем зале, Се Чэньюнь со странным выражением лица смотрел на стол перед Гу Сьюанем, где не хватало одной палочки.

— Только что... что это была за внутренняя сила?

Гу Сьюань поднял взгляд и буднично ответил:

— Просто повезло. Бросил наугад, не думал, что попаду так точно.

— ... — Се Чэньюнь.

«Ты серьезно держишь меня за дурака?»

Гу Сьюань посмотрел на мужчину в синем, всё еще сражавшегося наверху, и его глаза слегка потемнели. Он негромко произнес:

— В первый же день встретили старого знакомого.

— Как говорится, старые обиды и новые счёты — всё сошлось, — усмехнулся Се Чэньюнь, глядя на испорченную еду. Подперев подбородок рукой, он с любопытством спросил Гу Сьюаня: — Как думаешь, кто из них сильнее?

Женщина в красном из-за травмы вышла из боя, и теперь наверху бились один на один мужчина в белом и мужчина в синем.

Голос Гу Сьюаня был лишен эмоций:

— Разумеется, Тан Шэн.

— Я так и думал, — лениво отозвался Се Чэньюнь, скривив губы. — Его техника и раньше была

неплоха, а теперь он, похоже, еще немного продвинулся.

Молодым человеком в синем оказался не кто иной, как Тан Шэн, которого несколько месяцев назад в поместье Се спасла Сяо Ханьсинь из дворца Тяньвай.

Пока они разговаривали, ситуация наверху, где бой шел на равных, внезапно изменилась. Мужчина в белом был вынужден перейти к обороне; под натиском Тан Шэна он начал стремительно отступать.

— Кажется, моему шисюну приходится туго! — Се Чэньюнь вскинул брови с легким сочувствием.

Гу Сьюань удивленно посмотрел на него:

— Шисюн? Твой брат из секты Юйхо?

На губах Се Чэньюня заиграла легкая улыбка:

— Скорее всего. Наша секта в хороших отношениях с кланом Сун, поэтому второй сын герцога Суна, Сун Чжэнцин, стал учеником главы секты. Он мой третий шисюн. Правда, когда я вошел в секту, он как раз отправился странствовать, так что мы не встречались. Но судя по тому, как этот человек в белом сражается, его внутренняя энергия — это явно наш «Священный канон Нирваны», да и техника Ладоней Шести Ян видна невооруженным глазом. Этому обучают только прямых учеников. Всех остальных я видел, кроме него. Мастер упоминал, что третий шисюн обожает белый цвет и всегда носит с собой складной веер...

Гу Сьюань поставил чашку с чаем, взглянул наверх и спокойно заметил:

— Тогда это наверняка он.

Пока они говорили, Тан Шэн нанес мощный удар ногой в грудь мужчины в белом. Тот кубарем полетел вниз с галереи, рискуя с позором рухнуть прямо на пол. Лицо человека в белом исказилось от досады, и первым его порывом было прикрыться веером, чтобы спрятать лицо.

Се Чэньюнь прищурился, слегка ударил ладонью по столу и взмыл в воздух навстречу падающему. Они встретились в полете; Се Чэньюнь подставил ладонь под его спину, мгновенно остановив падение. Секунду спустя оба плавно приземлились посреди общего зала.

— О, у него есть напарник!

— Этот еще моложе, а техника, кажется, еще выше! Нынешняя молодежь просто поражает! — зал Линсюй на мгновение затих, а затем взорвался многоголосым обсуждением.

Сун Чжэнцин, не помня себя от радости, поспешил обернуться:

— Премного благодарен тебе, брат!

Се Чэньюнь покачал головой:

— Не стоит благодарности, третий шисюн.

Сун Чжэнцин недоуменно моргнул, а затем его осенило:

— Ты... ты тот самый новый младший ученик нашего мастера? Се шиди, верно?

[*Ши́ди (□□) — младший брат по учению, обращение к мужчине-соученику, который начал обучение у того же мастера позже вас.]

Се Чэньюнь кивнул:

— Он самый.

Сун Чжэнцин хлопнул себя веером по лбу и рассмеялся:

— Эх, как же мне не повезло, что я тогда уехал! Когда я вернулся в секту в прошлом месяце, ты уже ушел. Мастер кое-что рассказывал о тебе, но кто бы мог подумать, что мы встретимся вот так!

Характер третьего шисюна явно пришелся Се Чэньюню по душе, и он пошутил:

— Лучше встретиться вовремя, чем рано. Момент оказался самым подходящим.

— Верно-верно! Хороший обед стоит того, чтобы подождать. Ши́ди, сегодня ты меня по-настоящему выручил, иначе я бы опозорился на весь город, — Сун Чжэнцин с улыбкой отвесил ему чинный поклон.

Се Чэньюнь ответил:

— Соратники по секте должны помогать друг другу.

— Се Чэньюнь! Ты еще смеешь показываться на глаза! — раздался ледяной мужской голос.

Три фигуры приземлились перед ними: Тан Шэн и двое молодых людей из школы Пили.

Се Чэньюнь поднял взгляд и холодно усмехнулся:

— Если уж тот, кого в поместье Се побили как бездомного пса, смеет расхаживать здесь с высоко поднятой головой, то почему я должен прятаться?

Взгляд Тан Шэна заледенел:

— Ты ищешь смерти!

Се Чэньюнь размял пальцы и с улыбкой склонил голову набок:

— Ну давай, посмотрим, кто из нас умрет первым...

Красивая девушка в красном посмотрела на Тан Шэна и с заботой спросила:

— Брат Тан, этот человек тебя обидел?

— Конечно обидел! Се ши́ди же ясно сказал: побил его тогда, как бездомного пса, — хохотнул Сун Чжэнцин, совершенно не переживая из-за недавнего проигрыша.

Взгляд девушки похолодел:

— Ты тоже на тот свет торопишься?!

Сун Чжэнцин усмехнулся:

— Госпожа Лэй, щека уже не болит? Снова язык развязался?!

Девушка изменилась в лице и инстинктивно прикрыла щеку рукой:

— Проклятье!

Вдруг её глаза блеснули, и она злобно уставилась на Се Чэньюня:

— Это ведь ты, да? Это ты швырнул в меня палочкой?

Се Чэньюнь скрестил руки на груди и усмехнулся:

— И что с того?

Женщина в красном крепче сжала плеть, собираясь что-то высказать. В этот момент раздался холодный, низкий мужской голос:

— Присваивать чужие заслуги — нехорошо. Нечестно получается.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281662>